

СЧАСТЬЕ ВИДЕТЬ ЛЕНИНА

МОСКОВСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР
М. ШАТРОВ

«ШЕСТОЕ ИЮЛЯ»

Постановка Л. Варпаховского,
режиссер М. Горюнов.
Художник В. Ворошилов.
Композитор Н. Сидельников.
В роли В. И. Ленина — Б. Смирнов.
Главные роли исполняют:
Н. Пеньков, Л. Губанов, В. Мур-
вьев, А. Михайлов, В. Давыдов,
Л. Пушкарёва и другие.

ДЛЯ ТЕХ, кому посчастливилось быть на премьере в МХАТе 30 апреля, нынешний первомайский праздник начался именно тридцатого вечером, а не первого утром, потому что ликующая музыка из репродукторов, взволнованные голоса дикторов, ведущих репортаж с Красной площади, тысячи деталей, свидетельствующих, что в стране праздник, невольно соединялись в памяти с громом оваций, которые сотрясли стены Московского Художественного театра накануне, когда Ленин — Смирнов шел через сцену к зрителям и те, рукоплеская, просто не давали актеру произнести последние реплики, и он, по-ленински вскинув руку, заставил замолчать зал и произнес эти свои последние реплики, и благодарный зал обрушился новыми восторгам...

Так начав рецензию, я сразу потерял возможность сделать ее композиционностройной. В самом деле, ничего еще не рассказано, ни одно положение не доказано, а оценка уже, так сказать, апрiori ясна. Что происходило на сцене в начале и в середине, неизвестно, а конец, пожалуйста, разрисован. И вообще, что за желание тянуть в театральную рецензию (еще Гете предупреждал о пагубности смешения жанров) элементы, ей не свойственные: публицистику репродукторов и демонстраций. И все-таки последнее обстоятельство мы принципиально подчеркнем двойной чертой. Да, чем чаще увиденное в театрах будет вызывать живые ассоциации с происходящим вне театральных стен, грубо говоря, на улице, тем лучше для театров, тем, значит, ближе они стоят к действительности реальной, жизни всемирной. И коли МХАТу на этот раз удалось проделать такое, мы рады первыми его поприветствовать...

Историческая ситуация, которую положил в основу своей пьесы «Шестое июля» Михаил Шатров, поистине драматична. И сейчас задним числом остается только удивляться, почему драматурги проходили мимо нее. Шатров сделал попытку отойти от путей проторенных и поэкспериментировать в той области, в которой сколько можно было найти, столько и потерять. В самом деле, обладают ли документы сценическим голосом? (Писатель назвал свое произведение «опытом документальной драмы»). Две части, девятнадцать эпизодов — немудрящая конструкция «Шестого июля». Однако дело не в этих формальных признаках. Все заключено в самом материале, в организации его, в наполнении живым дыханием. В доброй половине эпизодов присутствует Ленин,

Один, в окружении соратников, врагов. Он — то организующее начало, которое существовало и существует объективно-исторически, а в данном случае и субъективно-драматургически. Это центр, основа основ, суть и подлинность. Это главная победа спектакля, его достижение. Уже в первом эпизоде зрителю предлагается четкая раскладка противоборствующих сил. 1918 год. Идет Пятый Всероссийский съезд Советов. Сцена Большого театра повернута к нам в профиль. Сцена в разрезе. И ситуации в разрезе. На один эпизод, на одно мгновение нам как бы показали внутренние пружины, которые двинут вперед действие.

Председательствующий объявляет перерыв, и члены президиума шумной, возбужденной толпой уходят со сцены. За длинным красным столом остается только Спиридонова, главный вдохновитель партии левых эсеров, идейный противник Ленина, большевик. В течение всего разговора Свердлов с журналистом она присутствует на сцене и, хотя не участвует в разговоре, ее присутствие символично и красноречиво. Разговор касается политики большевиков в тот момент, когда благодаря Брестскому миру молодая республика Советов получила передышку, разговор касается и позиции левых эсеров, которые против этой передышки, которые вопреки всем очевидным историческим обстоятельствам требуют продолжения войны, обвиняя большевиков во всех смертных грехах вплоть до капитуляции перед буржуазией.

А ОБСТАНОВКА на съезде тем временем накаляется до крайности. Эсеры, уже не таясь, открыто выступают против большевиков. Они требуют начать немедленную войну с германским империализмом. И зритель уже взят в полон драматургом и театром. Он, если хотите, ощущает себя тоже участником этого действия. Тем более что постановщик спектакля Л. Варпаховский не упускает ни одной возможности создать иллюзию подлинности происходящего. И направляющийся прямо через зал, чтобы организовать убийство немецкого посла Мирбаха, эсер Блюмкин (И. Толпчиев), и развернутый и придвинутый прямо на нас стол президиума съезда, и, позже, зычный бас большевика, несущийся с последнего яруса, и стволы пулеметов, грозно глядящие в зал с балконов, и вставшие в проходах революционные солдаты — все это создает почти полную иллюзию присутствия на съезде.

И вместе с тем зритель с волшебной легкостью проникает в кабинет Ильича, в немецкое посольство, опять попадает в Большой театр, через мгновение — на завод, где митингуют рабочие, а одновременно видит, что происходит в том же кабинете Ленина, а позже — в штабе эсеров. Подвижность и элегантная пластичность самого образа спектакля — заслуга молодого художника Владимира Ворошилова, впервые работающего для МХАТа.

Вращение сценического круга ни в одно мгновение не кажется назойливым. Мало сказать, что оно помогает легко переносить действие с одного места в другое. Оно выполняет и важную эмоциональную задачу: как бы повторяя бег часовой стрелки по циферблату четко видимых больших часов, висящих над сценой, это вращение с очевидностью доказывает, как мало времени было у Ильича, чтобы распутать гордиев узел, раздавить мятежников, победить. Планшет сцены становится тем же циферблатом часов. И если в вертикальной проекции нам демонстрируют объективный ход мимолетного времени, то в горизонтальном — объективный ход истории, творимой большевиками во главе с Лениным. Как необратимо время, так необратим и победный ход истории.

ПРИЗНАЕМСЯ, мы с немалым волнением готовились увидеть Бориса Смирнова в роли Ленина. Лауреат Ленинской премии, игравший Ильича в «Кремлевских курьезах» и в «Третьей патетической», конечно же, стоит на уровне той задачи, которую надо решить. Но работа над образом Ленина бесконечна и неисчерпаема. Увидим ли мы шаг вперед на этом сложнейшем пути? Первый акт, честно говоря, еще не дал окончательного ответа на вопрос. Хотя и тут были находки удивительные. Укажу на третий эпизод. Он же первый в кремлевском кабинете Ленина. Огромная карта России, распахнутая по овалу сцены, озаренная блуждающими алыми сполохами, и перед ней — знакомый письменный стол, этажерка с книгами, два кожаных кресла. За столом, развернув газету, — человек. Мы не видим его. Видим только газету и склоненную над ней голову. Эта картина является неожиданным, она величественно выплывает к нам, исполненная поэзии и патетики.

В целом же первый акт проходит рока как бы на полудыхании. То ли это издержки премьерного спектакля, то ли причины более существенные. Во всяком случае от эффе́ктивной сцены убийства Мирбаха, вероятно, в чисто сценическом смысле можно было взять больше. То же можно сказать

о митинге на заводе, где два оратора — эсер и большевик — выполнили только служебно-иллюстративную функцию.

К тому же актриса Л. Пушкарёва, играющая Спиридонову, внутренне расслаблена и не в силах создать образ пронзительно яркой, отчаянной женщины, способной творить те дела, которые творила ее героиня. Оттого Спиридонова в такой трактовке не выглядит достаточно опасным противником, и необъяснимой делается ее власть над некоторыми умами. Да и Л. Губанову трудно поверить, что «железный Феликс» — Дзержинский, гроза контрреволюционной нечисти, обязательно должен быть так обывовлен и опрошен. Моментами же он просто-напросто примитивно заурадед.

Вообще с прискорбием приходится отметить, что в целом актерский уровень спектакля (не имею в виду, конечно, Б. Смирнова) оказался ниже возможностей труппы, с одной стороны, и заметно уступил постановочному размаху работы, — с другой. Очень бледными получились такие колоритные образы, как Попов (В. Невинный), Александрович (В. Кашпур). Создается впечатление, что отдельные эпизоды актерами просто проигрываются. В самом деле, даже такая по-настоящему выигрышная сцена, как разговор Спиридоновой с солдатом, во мхатовском спектакле явно потускнела. Особенно это почувствуют те, кто видел «Шестое июля» в Театре имени Станиславского.

Эти замечания мы делаем не для того, чтобы бросить тень на спектакль. Нами движет только сожаление, что в такой важной принципиальной постановке актеры играют далеко не с той полной творческой самоотдачей, какую мы привыкли видеть в лучших работах театра. Ведь к мастерству, которое демонстрирует исполнитель главной роли, тут никто, пожалуй, и не приближается...

Но сейчас для меня это уже второстепенно. Потому что был второй акт.

Он начинается так называемым «проездом». Вращается сценический круг, и зритель может восстановить в памяти ту ситуацию, которая сложилась к концу первого действия. Ленин в кабинете, эсеры в своем штабе, арестованный Дзержинский... Круг останавливается так, чтобы в центре нашего внимания оказался кабинет Ильича.

И С ЭТОЙ самой минуты Борис Смирнов властно забирает наше внимание. По-прежнему великолепен Н. Пеньков в роли Свердлова и очень хорош Г. Колчицкий — Бонч-Бруевич. Но Ленин — безгранично покоряющ. Невозможно хотя бы перечислить всю гамму эмо-

ций, которыми актер раскрывает образ.

Начиная с той минуты, когда Ленин спрашивает Подвойского (В. Давыдов): «Чем мы располагаем?», Смирнов ведет нас от одной кульминации к другой. Вот он призывает к революционной собранности и целеустремленности и, недовольный, в сердцах восклицает: «Революцию мы делать научились, а вот побороть рутину в наших учреждениях никак не можем!». Он требует «превращения киселя в нечто твердое» и сам в этот момент становится сгустком энергии и темперамента. Что будет, если все-таки Германия объявит войну? Ленин экзаменует Чичерин (В. Муравьев). Ленин мучительно перебирает все варианты. Он не может не найти выхода из этого тяжелейшего положения! И взоры его, вождя масс, обращены к массам. «Призовем весь народ, все взрослое население!» — восклицает он.

Первым вестником близкой победной развязки оказывается беглец из леноэсеровского лагеря Колгаев (Ю. Леонидов). Он является к Ленину, чтобы сообщить о своем отходе от эсеров. Ленин здесь великолепен! Как он язвителен и умен! Бегут с корабля? — осторожно спрашивает Свердлов. Бегут-то бегут, но корабль еще не тонет! — предостерегает Ленин. И борьба продолжается.

Но вот борьба окончена. Мятеж подавлен.

Бесконечно уставший, но счастливый, Ильич идет по Сокольническому парку. Одержана победа. Еще одна трудная и необходимая победа. Позади часы смертельной опасности. И теперь Ленин счастлив. Прошло упоение боя, пришло упоение победы! Огромные деревья смыкают над голой кроной, кукушка щедро обещает годы, музыка наполняет зал. И наш Ильич идет через сцену к нам, счастливо смеясь. Его смех взлетает над звуками оркестра, над громом аплодисментов. Так смеются люди, чье счастье становится всеобщим счастьем. И волнующая чистота этого смеха перерождает душу. Так в последнем аккорде спектакля смыкаются воедино сердце зрителя и сердце актера.

Д. ОРЛОВ.

Советская культура 4/1950